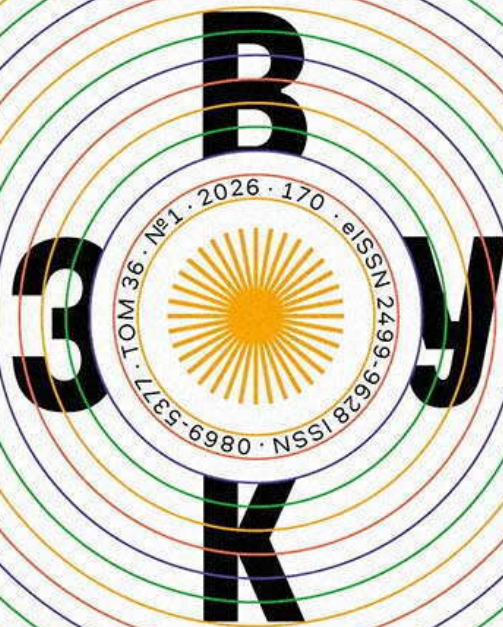

ΛΟΓΟΣ_

Журнал «Логос»

Коллектив авторов

Журнал «Логос» №1/2026

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2026

Коллектив авторов

Журнал «Логос» №1/2026 / Коллектив авторов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2026 — (Журнал «Логос»)

«Логос» – один из старейших независимых гуманитарных журналов, возникших в постсоветский период. Журнал продолжает западническую традицию, развивая ту интеллектуальную линию русской культуры, которая связывает его, в частности, с дореволюционным «Логосом» – международным ежегодником по философии культуры, издававшимся в начале XX века. За время своего существования «Логос» эволюционировал от журнала профессионально-философской ориентации, выполнявшего определенную просветительскую функцию, до издания, охватывающего, помимо того, широкий спектр общественных проблем и стремящегося представить на своих страницах наиболее интересные и заметные интеллектуальные инновации современной России, а также основные тенденции мировой общественно-политической мысли. В номере: Анна Ганжа, Максим Жиганов. *Mittlere Musik* «третьих мест» и идея преобразования в атмосферных исследованиях Виктор Мазин. Инструментальное ухо Даниил Небольсин. Образ и звукозапись: плейлист визуальных мотивов для исследований звука Майкл Булл. Размышляя о звуке, близости и отдаленности в опыте переживания западного типа: случай Одиссея и его Walkman и многое другое. В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн.

© Коллектив авторов, 2026
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2026

Содержание

Цифровая камера и классическая государственно-правовая теория	7
Звуковые исследования	32
От редакции. Звуковые и музыкальные эпистемологии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Журнал «Логос» № 1/2026 (170). Том 36

ЛОГОС

170

ФИЛОСОФСКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается с 1991 года, выходит 6 раз в год
Учредитель — Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

Валерий Анашвили

Редакторы-составители

Анна Ганжа, Максим Жиганов

Редакционная коллегия

Вячеслав Данилов

Дмитрий Кралечкин

Виталий Куренной (научный редактор)

Инна Кушнарева

Артем Морозов

Яков Охонько (ответственный секретарь)

Александр Павлов (шеф-редактор)

Александр Писарев

Артем Смирнов

Полина Ханова

Игорь Чубаров

Редакционный совет

Феликс Ажимов (председатель совета, Москва)

Петар Боянич (Белград)

Вадим Волков (Санкт-Петербург)

Борис Гройс (Нью-Йорк)

Борис Капустин (Москва)

Драган Куюнджич (Гейнсвилл)

Джон Ло (Милтон-Кинс)

Дейдра Макклоски (Чикаго)

Кристиан Меккель (Берлин)

Фритьоф Роди (Бохум)

Елена Рождественская (Москва)

Блэр Рубл (Вашингтон)

Грэм Харман (Лос-Анджелес)

Клаус Хельд (Вупперталь)

Юк Хуэй (Роттердам)

E-mail редакции: mail@logos-journal.ru

Сайт: <http://www.logosjournal.ru/>

Телеграм: <https://t.me/wowlogos>

© Высшая школа экономики, 2026

<https://www.hse.ru/>

ТОМ 36

#1

2026

Выпускающий редактор *Елена Попова*

Дизайн *Сергей Зиновьев*

Верстка *Анастасия Меерсон*

Обложка *Владимир Вертинский*

Корректор *Мария Чернова*

Редактор сайта *Дмитрий Дурнев*

ISSN 0869-5377

eISSN 2499-9628

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-87043 от 26.03.2024

Публикуемые материалы прошли процедуру
рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в перечень рецензируемых
научных изданий ВАК по специальностям
5.2.1, 5.7.1, 5.7.2, 5.7.4, 5.7.6, 5.7.7, 5.7.8

Подписной индекс 44761

в Объединенном каталоге «Пресса России»

Адрес редакции: 105066, Москва,

ул. Старая Басманная, 21/4

Адрес издателя и распространителя:

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Издательский дом Высшей школы экономики,

(495) 772-95-90 доб. 15298,

E-mail: id@hse.ru

Тираж 600 экз.

LOGOS

PHILOSOPHICAL AND
LITERARY JOURNAL

Volume 36 · #1 · 2026

Published since 1991, frequency — six issues per year

Establisher — HSE University

EDITOR-IN-CHIEF *Valery Anashvili*

GUEST EDITORS: *Anna Ganzha, Maksim Zhiganov*

EDITORIAL BOARD: *Igor Chubarov, Vyacheslav Danilov, Polina Khanova, Dmitriy Kralechkin, Vitaly Kurennoy* (science editor), *Inna Kushnaryova, Artem Morozov, Yakov Okhonko* (executive secretary), *Alexander Pavlov* (managing editor), *Alexander Pisarev, Artem Smirnov*

EDITORIAL COUNCIL: *Felix Azhimov* (Council Chair, Moscow), *Petar Bojanić* (Belgrade), *Boris Groys* (New York), *Graham Harman* (Los Angeles), *Klaus Held* (Wuppertal), *Yuk Hui* (Rotterdam), *Boris Kapustin* (Moscow), *Dragan Kujundzic* (Gainesville), *John Law* (Milton Keynes), *Deirdre McCloskey* (Chicago), *Christian Möckel* (Berlin), *Frithjof Rodi* (Bochum), *Elena Rozhdestvenskaya* (Moscow), *Blair Ruble* (Washington, DC), *Vadim Volkov* (St. Petersburg)

Executive editor *Elena Popova*; Design *Sergey Zinoviev*; Layout *Anastasia Meyerson*; Cover *Vladimir Vertinskiy*; Proofreader *Maria Chernova*; Website editor *Dmitry Durnev*

E-mail: mail@logos-journal.ru

Website: <http://www.logosjournal.ru>

Telegram: <https://t.me/wowlogos>

ISSN 0869-5377

eISSN 2499-9628

Registration certificate ПИ № ФС 77-87043 dated March 26, 2024

All published materials passed review and expert selection procedure

© HSE University, 2026 (<https://www.hse.ru/en/>)

Print run 600 copies

Цифровая камера и классическая государственно-правовая теория

Виталий Куренной.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, vkurennoj@hse.ru.

Ключевые слова: цифровая камера; приватная сфера; строгое право; хорошее правление; транспарентность; публичность; паноптикум; Иммануил Кант; Иеремия Бентам; Мишель Фуко.

В статье дан краткий обзор современного применения цифровых камер и фундаментальных изменений в обществе, обусловленных их использованием. Цифровое видеонаблюдение становится неотъемлемой частью городской инфраструктуры, трансформируя представления о публичном пространстве, приватности и контроле. Рассмотрены ключевые риски, которые сегодня связываются с распространением цифрового видеонаблюдения, включая потенциальные угрозы личной свободе и возникновение «общества тотального надзора». Вместе с тем приведены возражения на алармистские ожидания, объяснимые игнорированием действующих конституционных и правовых норм, которые регулируют использование камер и защищают права граждан.

Парадигма цифровой камеры поставлена в контекст основных проблем классической модерновой государственно-правовой теории – Иммануила Канта и Иеремии Бентама – в трех основных аспектах. Во-первых, рассматривается идея «строгого права» Канта, связанная с публичностью как условием легитимности государственной власти. Во-вторых, анализируется идеал хорошего правления, который поддерживали как Кант, так и Бентам, подразумевающий минимизацию злоупотреблений со стороны властей через механизмы открытости. В-третьих, обсуждается модель транспарентного общества Бентама, архитектурным воплощением которой является проект паноптикума. Показано, что интерпретация паноптикума Мишеля Фуко является искажением изначальной идеи Бентама, поскольку игнорирует демократический потенциал взаимного наблюдения и публичного контроля над властью. Статья демонстрирует, что современные дебаты о видеонаблюдении воспроизводят классические напряжения между свободой, безопасностью и прозрачностью власти.

История современности может быть написана как история развития камер, итогом которой на сегодняшний день является цифровая камера. Вилем Флюссер полагал¹, что с изобретением фотоаппарата современные общества вступили в новую эпоху – эпоху аппаратов, аппаратчиков (тех, кто использует аппараты), программ, задающих параметры действия аппаратов, и наконец программистов, создающих программы. Эта эпоха пришла на смену индустриальной эпохе фабрик и создает совершенно новую культурно-антропологическую ситуацию, основную проблему которой Флюссер видел в том, что в ней крайне сложно реализовать человеческую свободу.

¹ В работе представлены результаты выполнения проекта «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемиотика» (ФИ-2025-74), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году. *Флюссер В. О фотографии / Пер. с нем. Г. Р. Хайдаровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.*

Вся история кинематографа также может быть рассмотрена как история развития камер различных типов. У истоков здесь стоит хронофотография Эдварда Мейбриджа, которая быстро привела к появлению синематографа братьев Люмьер, положившего начало взрывному росту кинематографии. Любое технологическое обновление камер и технологии фиксации изображения всякий раз приводило к смене эпох в кинематографе и культуре. Появление любительских узкоформатных и компактных камер сделало кино частью домашней приватной культуры; изобретение видеокамер неотделимо от появления телевидения; современные цифровые камеры открывают необычайные возможности для трансформации изображения, невозможные для аналоговых технологий в кино и фотографии.

Камера является неотъемлемой частью той революции в искусстве, о которой объявил Вальтер Беньямин в своей работе «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости». Возможность тиражирования фото- и киноизображения меняет онтологический статус произведения искусства, лишая его уникальной «ауры», изменяет сам характер творческого процесса (в кино он становится коллективным) и изменяет общественные и политические функции искусства.

Появление цифровых камер, интегрированных с цифровыми средствами хранения и обработки данных, и их массовое производство революционизируют уже всю общественную, профессиональную и частную жизнь в целом, и мы находимся в эпицентре этого процесса. Камера является ключевым элементом умного города, позволяя осуществлять контроль транспортных и человеческих потоков. Камера в публичном пространстве снижает уровень преступлений и правонарушений, а также, будучи интегрированной с системой распознавания лиц, позволяет осуществлять розыскные меры. Без камер уже невозможно представить себе современный торговый центр. В этой функции повышения безопасности, а также контроля за ситуацией камера пришла и в приватное пространство жилья, загородной усадьбы и вполне обычной дачи. Камерой сегодня оснащено множество рабочих мест, а также индивидов, профессионально контактирующих с населением (полицейские, сотрудники ГИБДД и др.). Камеры используются для контроля состояния и строительства объектов, также в настоящее время в России предлагается расширить их роль на контроль за соблюдением кадастра и правил строительства в частном секторе. Камерами, интегрированными с механизмами управления, в изобилии оснащаются современные автомобили, выполняя функции помощников при парковке, контроля и удержания полосы, общей видеофиксации дорожной обстановки. Этот процесс торжества камеры достигает кульминации в модели беспилотного транспорта.

Множество камер находится также за пределами города и дорог. Речь не только о сельхозгодях и беспилотной сельхозтехнике. Камерами в изобилии насыщены особо охраняемые природные территории: фотоловушки выполняют роль фиксации состояния фауны, а также доставляют заповедникам важный для их деятельности и позиционирования фотоматериал. Множество камер находится не только в городе и за городом, огромное их число расположено в космическом пространстве, выполняя научные, военные и гражданские задачи.

Появление *FPV*-дронов, центральным элементом которых является камера, полностью изменило характер современной войны. И хотя о военном использовании дронов писалось и ранее², но лишь военные события, начавшиеся после 2022 года, показали, насколько масштабны и радикальны эти изменения. Дрон, оснащенный камерой, полностью изменил характер ведения боевых действий. Военные машины всех стран мира начали перевооружение, в мире полностью меняются представления о военной стратегии и тактике. Но дрон с камерой имеет и вполне мирное применение во множестве профессиональных сфер – картографии, сельском хозяйстве, при поисково-спасательных операциях и во многих других. Камера дрона

² Шамаю Г. Теория дрона / Пер. с англ. Е. Н. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

открыла новые возможности кино- и фотосъемки как для профессионалов, так для любителей, а также дарит его оператору ощущение полета, реализует в некоторой форме мечту Икара.

Наконец камеры, находящиеся в наших смартфонах и других персональных устройствах, трансформировали нашу культуру и коммуникацию. Львиная доля содержания соцсетей и мессенджеров – это изображения, сделанные этими камерами. Цифровая камера демократизировала производство видеоконтента и создала новую индустрию – экономику творцов (*creator economy*).

Таким образом, цифровые камеры сегодня окружают нас повсюду. При этом, однако, сколько-нибудь фундаментального культурно-философского осмысления значения этого положения дел и его перспектив пока нет, в лучшем случае камера растворена в общей тематике цифровой среды и в настоящее время – искусственного интеллекта³. Мы же в данном случае возвращаем в центр такого культурно-философского рассмотрения именно камеру. Камера является продолжением, инструментом человеческого глаза, поэтому в данном случае мы следуем Аристотелю, начинающему «Метафизику» знаменитым рассуждением о знании и зрении:

Все люди от природы стремятся к знанию. Свидетельством тому – [наша] привязанность к чувственным восприятиям: помимо их пользы, восприятия эти ценятся ради них самих, и больше всех то из них, которое происходит с помощью глаз: ибо мы ставим зрение, можно сказать, выше всего остального, не только ради деятельности, но и тогда, когда не собираемся делать что-либо. Объясняется это тем, что чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах] (Metaph. 981a21–25; пер. А. В. Кубицкого).

Именно со зрением связана базовая метафора философского и научного познания – свет, а также такая важная для нашей темы характеристика, как транспарентность. Разумеется, камеру сегодня нельзя представить без цифровых технологий, поэтому обращение к ним также неизбежно: говоря сегодня о камере, мы подразумеваем цифровую камеру.

Тематически мы рассмотрим камеру в трех аспектах: 1) в рамках теории «строгого права» Иммануила Канта; 2) в рамках его и Иеремии Бентама идеи «хорошего правления»; 3) как развитие этой идеи – теории транспарентности власти Бентама. Эти сюжеты будут рассмотрены с точки зрения позитивных, на наш взгляд, возможностей, заложенных в использовании камеры, а саму камеру мы будем считать своеобразной технологической парадигмой классической государственно-правовой теории модерна, в данном случае – Канта и Бентама.

Предварительно, впрочем, нельзя не остановиться на обратной – негативной – стороне распространения камер. Основные тревоги здесь связаны с размыванием границы приватной сферы. Разграничение приватной и публичной жизни является конститутивным принципом современных обществ: возникнув в Древней Греции, это разграничение практически исчезает в эпоху Средневековья (всякое пространство является публичным). Традиционное общество не знает приватного пространства. Джордж Оруэлл спроецировал возвращение этой модели на современное общество, создав в своем романе «1984» образец максимума антиутопии. Помимо идеологических и прочих особенностей, это общество в технологическом отношении является миром, в котором Большой Брат ведет тотальное наблюдение посредством камер, включая пространство частного жилища. Именно этот максимум антиутопии является основным стимулом для современных критиков общества камер занимать алармистскую позицию в отношении распространения камер и цифровых технологий. В особенности тревогу бьют авторы в Германии, предвещая конец приватности и наступление «прозрачного общества»⁴.

³ См., напр.: Кёниг Г. Конец индивидуума / Пер. с фр. И. В. Кушнаревой. М.: Individuum, 2023.

⁴ См., напр.: Heller C. Post-Privacy: Prima leben ohne Privatsphäre. München: C. H. Beck, 2011; Schaar P. Das Ende der Privatsphäre: Der Weg in die Überwachungsgesellschaft. München: C. Bertelsmann, 2007; Хан Б.-Ч. Прозрачное общество / Пер.

Такая концентрация внимания немецких интеллектуалов на этом вопросе объясняется тем, что немецкая культура в силу исторического опыта весьма чувствительна к вопросу о неприкосновенности приватной сферы, здесь, например, запрещены полеты дронов над жилыми кварталами. Культурным аналогом этого явления в России можно считать страсть граждан к высоким заборам вокруг загородных участков.

Не вдаваясь в технологические детали возможностей цифровых камер, а также такие сложные вопросы, как слежка и шпионаж, попробуем ответить на эти опасения самым простым образом. Приватная сфера является не только социальным и культурным феноменом. Автономия приватной сферы рассматривается в современных обществах как одно из основных прав человека, она представляет собой область, основные элементы которой в настоящее время глубоко эшелонированным образом защищены конституционно-правовой системой современных государств и базовыми международными конвенциями прав человека. Целый ряд статей Конституции Российской Федерации гарантирует права приватной (личной) сферы и неприкосновенность ее границ (22.1; 23; 24.1; 25). Статья об охране «достоинства личности» (21.1), действующая в конституциях множества стран мира, является важным источником конкретизации прав в новых технологических и коммуникативных условиях. К числу таких конкретизированных положений относится, например, право на «информационное самоопределение» (понятие, введенное немецким Конституционным судом уже в 1983 году в связи со сбором данных во время переписи населения) или же право на «принятие автономных решений»⁵, которое действительно находится под угрозой в связи с совершенствованием, в частности, рекомендательных алгоритмов.

Если мы ориентируемся на реальные тенденции судебно-правовой системы, то на примере США можно показать, что приватная область, защищаемая от публичного давления, постоянно расширяется. Основные решения по защите «конституционного права на неприкосновенность частной жизни» основываются здесь первоначально на праве защиты от внешнего вмешательства в институт брака и сексуальных отношений состоящих в браке людей. Именно такое основание было подведено под решение Верховного суда 1965 года в рамках иска *Griswold v. Connecticut*, 381 U.S. 479, защищавшего право супружеской пары на покупку и использование контрацептивов. На этом же основании был вскоре отменен запрет на межрасовые браки (действовал во многих штатах США до 1967 года), расширена область приватности сексуальных отношений (использование контрацептивов в том числе лицами, не состоящими в браке), либерализовано хранение дома непристойных материалов (*Stanley v. Georgia*, 394 U.S. 557) и наконец разрешены аборты в 1973 году (*Roe v. Wade*, 410 U.S. 113⁶). В более расширенном смысле это конституционное право, широко используемое в американской судебной практике, может быть определено как защита

...собственного интереса индивида, связанного с независимостью в принятии решений относительно важных персональных решений, касающихся собственной семьи, жизни и образа жизни⁷.

Если мы учитываем эти правовые особенности современных обществ и придерживаемся здравого политического и правового реализма, то большинство утопических или антиутопических тревог, связанных с переходом общества к состоянию, в котором приватная сфера будет фундаментально сокращена или ликвидирована, представляются ограниченными обла-

с нем. О. В. Никифорова. М.: Логос, 2014.

⁵ Schoeman F. D. *Privacy and Social Freedom*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

⁶ Отменено 24 июня 2022 года решением по делу *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*, 597 U.S. 215. Это постановление признало, что Конституция не гарантирует федерального права на аборт, и передало регулирование штатам.

⁷ DeCew J. *Privacy* // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/>.

стью художественной или публицистической фантазии, никак не связанной с фактически возможными вариантами развития событий с учетом существующей правовой реальности.

К настоящему времени сложились несколько основных подходов к вопросам защиты приватной сферы в новых условиях, связанных с развитием цифровых коммуникаций. Наиболее последовательную и системную политику в этой сфере осуществляет Европейский союз. В 1995 году здесь была принята Директива о защите персональных данных, которую в 2016 году сменил еще более строгий Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (2016/679). Регламент вступил в силу в 2018 году и является обязательным к исполнению не только странами-участницами, но также любым юридическим лицом, обрабатывающим персональные данные граждан ЕС. Столь масштабное регулирование вопросов обращения с персональными данными легитимировалось в Европе в том числе ссылками на опыт фашистских и послевоенных коммунистических режимов ряда стран, в которых широко практиковались неконтролируемый доступ и использование персональных данных.

В США и странах Азии реализуется другая стратегия, которая характеризуется как «лоскутное одеяло» (*patchwork*) или как «секторальный» подход. В ней отсутствует общая система регулирования и принимаются законы о защите лишь отдельных категорий персональных данных. К таковым в США относится, например, закрытие доступа к студенческим записям, сведениям о видеопрокате и приватной информации о детях в интернете (соответствующий акт был принят в 2000 году). Такая законодательная политика, однако, не препятствует широкому обращению и коммерциализации персональных данных. Эта специфика правовой политики США объясняется как историческими особенностями американского законодательства, так и утилитаристскими аргументами. В частности, права на свободу слова и прессы, которые способствуют раскрытию частной информации, имеют здесь эксплицитный характер (первая поправка к Конституции), тогда как право на защиту приватной сферы защищено лишь косвенно (является имплицитным): оно выводится либо из конституционных гарантий свобод индивида, либо из четвертой поправки, запрещающей необоснованные обыски и задержания. К утилитаристским аргументам относится указание на то, что европейская политика в области персональных данных, сдерживающая возможности их коммерциализации, фактически привела к отставанию Европы в развитии новых цифровых технологий.

В Европейском союзе нет ни одной крупной технологической компании такого рода, сопоставимой с компаниями в США или Китае (второй лидер на этом рынке). Что касается правовой политики России в сфере защиты персональных данных, то специалисты отмечают ее соответствие европейскому подходу, которое, впрочем, имеет запаздывающий характер по отношению к новым проблемам, возникающим в связи с развитием современных цифровых технологий⁸. Однако вопрос о передаче аккумулируемых государством данных бизнесу (то есть сдвиг к американской модели) периодически возникает и обсуждается в российских экспертных и деловых кругах.

Цифровая камера и идея «строгого права»

В рамках своей философии права Кант сформулировал весьма впечатляющую по своей радикальности и утопичности модель чистого, или *строгого*, права. Она заключается в следующем:

Как вообще право имеет своим объектом внешнюю сторону поступков, так и строгое право, то есть такое, к которому не примешивается ничего

⁸ Талатина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 118–150.

этического, не требует никаких иных определяющих оснований произволения, кроме внешних; ведь именно тогда оно чисто и не смешано ни с какими нравственными предписаниями. *Строгим* правом (правом в узком смысле слова) можно, следовательно, назвать лишь совершенно внешнее право. Оно основывается, правда, на осознании обязательности каждого по закону, но для того чтобы определить в соответствии с этим произвольное действие, строгое право, чтобы быть чистым, не должно и не может ссылаться на это осознание как на мотив; поэтому оно опирается на принцип возможности внешнего принуждения, совместимого со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами. – Итак, если говорят: кредитор имеет право требовать от должника уплаты его долга, то это не означает, что он может внушить должнику, что его собственный разум обязывает его к уплате; нет, принуждение, которое заставляет каждого делать это, вполне совместимо со свободой каждого, а следовательно, и с собственной свободой, сообразной со всеобщим внешним законом; таким образом, право и правомочие принуждать означают одно и то же⁹.

Сказанное означает, что в этой строгой системе права правоприменение не опосредовано никакими субъективными факторами, такими как сознание или мотив правонарушителя, а также эта система предполагает неизменное фактическое исполнение права (строгое право не только нечто предписывает, но и неизменно осуществляет это предписание). В идеальном виде эта система работает по аналогии с классической механикой, в которой движение тел исчерпывающим образом определено их каузальной взаимосвязью:

Закон взаимного принуждения, необходимо согласующегося со свободой каждого, кто руководствуется принципом всеобщей свободы, есть как бы *конструирование* понятия чистого права, то есть показ этого понятия в чистом априорном созерцании, по аналогии с возможностью свободных движений тел, подчиненных закону *равенства действия и противодействия*¹⁰.

Анализируя эту концепцию Канта, Маркус Виллашек делает вывод, что строгое право у Канта вообще не является прескриптивным, то есть предписывающим:

Там, где отклонение невозможно, в случае закона речь идет не о прескриптивной норме, а просто об описании закономерности поведения. <..> Взятое само по себе право не предписывает своим адресатам поведение, соответствующее правовым предписаниям, но лишь связывает правовой состав факта с правовыми последствиями¹¹.

Иначе говоря, идеал строгого права автоматически, то есть причинно-следственным образом, связывает сам факт события и его правовые последствия – без всякого опосредования субъективным фактором.

Идея строгого права у Канта играет роль сжато описанного мыслительного эксперимента и не содержит никаких указаний относительно способов ее реализации. Однако если мы обратимся к современным технологиям, то сможем констатировать наличие всех необходимых предпосылок к перспективам все более широкой реализации идеи этого всецело автоматического идеала права. В образцовом виде эту модель права олицетворяет камера видеонаблюдения на дороге, автоматически определяющая правонарушение и автоматизированным же обра-

⁹ *Kant I.* Метафизика нравов // Соч.: В 8 т. / Общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 265–266.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ *Willaschek M.* Recht ohne Ethik? Kant über die Gründe, das Recht nicht zu brechen // Kant im Streit der Fakultäten / G. Volker (Hg.). В.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2005. S. 195.

зом доставляющая нарушителю постановление о штрафе. Это устройство, почти полностью убравшее с российских дорог часто слишком субъективных или откровенно злоупотребляющих своими возможностями сотрудников ДПС, действует полностью в соответствии с идеей Канта о том, что право может реализоваться вне всякой этической или иной мотивации правонарушителя. Автоматическое уведомление о штрафе придет нарушителю скорости независимо от того, спешил ли он на место планируемого преступления или торопился спасти кому-то жизнь, – его мотив не имеет здесь никакого значения.

Стоит заметить также, что автоматическая неотвратимость наказания за правонарушения оказывает всеобъемлющее дисциплинирующее воздействие на граждан, поскольку предполагает неизбежное и не знающее исключений наказание за правонарушение, которое нельзя смягчить или обойти посредством коррупционных или иных действий, основанных на человеческих слабостях или социальных связях между людьми. С точки зрения образа будущего мы вполне можем допустить такое технологическое совершенствование способов фиксации правонарушений, которое позволит документально устанавливать практически любое правонарушение¹², – с той необходимой оговоркой, что такого рода автоматические системы не допускают постороннего *человеческого* вмешательства в частную сферу других людей (тогда как *механические* системы там уже широко присутствуют – в форме устройств-нянь, индикаторных элементов умного дома, умных колонок и т. д.). Сложнейший этический, правовой и одновременно технологический вопрос заключается, однако, в том, какое технологическое решение могло бы быть реализовано применительно к сфере домашнего насилия.

Указанное Кантом строжайшее разграничение сферы каузальных последствий и сферы человеческого сознания и мотивов, которые не могут быть областью правового регулирования как такового, исключает саму возможность появления здесь призрака «мыслепреступления» Оруэлла.

Наконец, стоит добавить, что чрезвычайно расширившиеся возможности автоматического регулирования и взаимодействия не могут распространяться на область человеческой воли (выраженной в том числе в установлении правовых законов) и принятия решений. Несмотря на то что мы все больше опираемся на автоматически собранные данные и информационные алгоритмы в принятии таковых, они не могут подменять собой решение, остающееся за человеком.

Идеал «хорошего правления»

В дальнейшем своем развитии эта утопическая поначалу идея автоматизированного строгого права может быть распространена также на определенные функции исполнительной власти, связанные с задачами выполнения законов и т. д., – там, где они в принципе могут быть решены в форме определенного выше автоматического причинно-следственного взаимодействия. Тем самым открывается еще более широкая перспектива разрешения проблемы, остро вставшей перед современными обществами с того момента, как они, освободившись от власти традиции, осознали, что сами берут судьбу в свои руки, – а именно проблемы «плохого правления»¹³. Утопия планового рационального централизма, преобразованная в форму автоматической координации, может быть использована как ресурс устранения человеческого фактора, того самого обстоятельства, которое при зарождении современных обществ в наибольшей степени волновало умы и Бентама, и Канта. И тот и другой полагали, что основная и «самая труд-

¹² Разумеется, мы опускаем здесь вопросы первоначального технического несовершенства таких систем, требующих отладки и исключения ошибок, предотвращения утечки данных и т. п., – в будущем эти технические задачи так или иначе будут решены.

¹³ *Bentham J. The Works: In 11 vols / J. Bowring (ed.). N.Y.: Russell & Russell, 1962. Vol. IX. P. 9.*

ная из всех» (Кант) задача заключается в том, что человек при установлении всеобщих и справедливых законов, будучи наделен властью для их осуществления, всегда будет стремиться сделать исключение из них для самого себя. Это же обстоятельство является ключевым и для Бентама, предполагавшего решить данную проблему путем политики тотальной прозрачности государственного управления.

В настоящее время мы наблюдаем, как в различных странах цифровые технологии постепенно формируют новые технологические возможности для реализации идеи хорошего правления и создания механизмов, минимизирующих наличие человеческого фактора там, где речь идет о взаимодействии гражданина и государства. В России наиболее успешным масштабным технологическим проектом такого рода является создание системы электронных государственных услуг, а также реализация механизма «одного окна» в многофункциональных центрах государственных услуг, решивших, казалось бы, одну из вечных проблем России, связанную с коррупцией и волокитой при взаимодействии с государственными канцеляриями. В аналогичном направлении развиваются также и другие подобные эксперименты. Так, в Индии была создана государственная система идентификации граждан *Aadhaar*, использованная для того, чтобы дать социально дискриминированным группам населения адекватный, прозрачный и свободный от коррупции доступ к государственным услугам и средствам социальной защиты. Таким образом, современные технологии уже активно разворачивают процесс минимизации проблемы, описанной Кантом и Бентамом, расширяя режим прозрачности функционирования государства, изымая человеческий фактор из процесса взаимодействия гражданина и государства, сокращая контакты между ними и доводя до автоматизма механизмы взаимодействия граждан с государственными институтами в описанной выше логике строгого права.

Особенность современной России, которая позволяет этим процессам разворачиваться с высокой скоростью, состоит в аномально высокой степени доверия к цифровым технологиям по сравнению с другими странами.

Бентам: паноптикум и прозрачное общество

Идея хорошего правления волновала не только Канта, но и Бентама – главного оппонента кенигсбергского философа в области этики. Эти доктрины, основанные на фундаментально различных принципах, представляют собой наиболее масштабные философско-рациональные проекты этики, претендующие на законодательную универсальность. Кантовская этика основана на принципе оценки мотива реализованного действия (значение имеет лишь «благая воля»); этика Бентама квалифицируется, напротив, как «консеквенциализм» – значение имеет не мотив, а результат действия, который, согласно замыслу Бентама, является квантифицируемым и эмпирически измеримым¹⁴. В отличие от Канта, для которого главным принципом этики является индивидуальное разумное и свободное подчинение этическому закону, для Бентама таким принципом является максимизация общественного счастья, каковое является суммой счастья отдельных индивидов. В основе этого принципа у Бентама, как и у Канта, лежит определенная антропологическая модель, универсальным образом определяющая механизм поступков человека:

Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. <..> Принцип

¹⁴ Подробнее о сходстве и различии этих доктрин см.: Курешной В. А. Этика добродетели // Логос. 2008. № 1. С. 59–69.

полезности (*principle of utility*) признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона¹⁵.

Таким образом, из определения того, что есть человек (существо, которое стремится избежать страдания и увеличить удовольствие), следует, что необходимо делать (максимизировать удовольствие и минимизировать страдание, что и дает совокупный уровень счастья). Достижение максимума счастья в обществе не может быть предоставлено свободным и случайным действиям индивидов, эта задача должна быть решена законодателем:

Частная этика научает, каким образом каждый человек может располагать собой (направлять себя), чтобы принять образ действий, наиболее ведущий к его счастью, посредством тех мотивов, которые представляются сами собой; искусство законодательства (которое может считаться одной ветвью науки о праве, или юриспруденции) научает, каким образом масса людей, составляющих общество, может быть расположена и [направлена] принять такой образ действий, который в целом наиболее ведет к счастью целого общества, посредством мотивов, которые прилагаются законодателем¹⁶.

Эта модель также противопоставлена кантовской идее внешнего легального права, с точки зрения которой такая форма государства по определению является «величайшим *депотизмом*, какой только можно себе представить», поскольку речь идет не только о прямом патернализме над гражданами в вопросах счастья, но и об установлении контроля над их мотивами (которые, по Канту, невозможно ни знать, ни контролировать). Задача законодателя, правда, заключается не в том, чтобы постоянно оказывать воздействие на людей с точки зрения коррекции их поведения, но в

... генерировании определенных ожиданий такого рода, что их действие окажется связанным со страданием, если оно несовместимо с принципом максимального счастья¹⁷.

Тем самым этическая теория Бентама непосредственно трансформируется в теорию правового и политического государственного управления. Бентам полагал, что в принципе полезности и его мотивационном механизме, который определяется динамикой удовольствия и страдания, он открыл законы, подобные ньютоновским. На теорию прозрачности публичной сферы Бентама повлияла не только классическая механика, позволяющая осуществлять точный расчет движения тел, но и оптика Ньютона, согласно которой все тела обладают прозрачностью¹⁸. В дело пошел даже один из главных оптических инструментов Ньютона – призма, которая на собственноручном наброске фронтисписа «Паноптикона» Бентама превращается в масонский символ всевидящего ока и вписана в схему паноптикума¹⁹.

Основным механизмом реализации политики утилитаристского государственного управления должно стать состояние прозрачности (транспарентности) государства. В истории трансформации этой идеи Бентама при этом можно выделить два этапа. Первый из них связан с идеей «злосчастливого паноптикума»²⁰. Второй – с разработкой идеи «трибунала общественного мнения» (*Public Opinion Tribunal*). Идея трибунала была развита в поздний период творчества

¹⁵ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Пер. с англ. Б. Г. Капустина. М.: РОССПЭН, 1998. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 386.

¹⁷ Rzepka V. Die Ordnung der Transparenz. Jeremy Bentham und die Genealogie einer demokratischen Norm. В.: Lit, 2013. S. 72.

¹⁸ August V. Öffentlichkeit in der Transparenzgesellschaft: Merkmale, Ambivalenzen, Alternativen // Staat und Geheimnis. Der Kampf um die (Un-)Sichtbarkeit der Macht / J. Knobloch (Hg.). Baden-Baden: Nomos, 2019. S. 197.

¹⁹ Rzepka V. Op. cit. S. 82–83.

²⁰ Gorwa R., Garton Ash T. Democratic Transparency in the Platform Society // Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform / N. Persily, J. Tucker (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. P. 288.

Бентама, отмеченный разворотом политических взглядов от монархических к демократическим. Эта перемена объясняется неудачей в реализации проекта паноптикума, которую Бентам считал результатом намеренных злокозненных интриг против его проекта национальной тюрьмы, а также разочарованием в способности монархии улучшать законодательство и способ правления (последней каплей здесь был отказ Александра I от реализации планов Бентама по созданию в России нового законодательства с чистого листа).

Проект паноптикума Бентама сегодня широко известен и при этом в самом деле является «злосчастным» благодаря славе, принесенной ему Мишелем Фуко. Последний категорически оценил проект круговой тюрьмы, все камеры которой доступны просмотру для невидимого надзирателя из единого центра, как

... диаграмму механизма власти, сведенной к ее идеальной форме²¹.

Метафора незримого, но всевидящего ока «власти» предстает у Фуко как главный инструмент установления современного дисциплинарного общества и вплоть до настоящего времени является стимулом для развития страхов, связанных с нарастающей транспарентностью общества. Эта легенда Фуко, которая продолжает доминировать в российском контексте²², не является ни исторически, ни концептуально релевантной в отношении идей Бентама.

Заслуживающая внимания в российском контексте историческая деталь заключается в том, что идея конструкции паноптикума принадлежит не Иеремии Бентаму, а его родному брату Сэмюэлю, прибывшему в Россию по приглашению князя Григория Потемкина в 1780 году в качестве инженера и кораблестроителя. Его деятельность в России была чрезвычайно разнообразна и включала в себя, в частности, организацию двух экспедиций в Сибирь²³. Некоторое время Сэмюэль Бентам выполнял роль управляющего имением князя Потемкина в местечке Кричев Могилевской губернии. Здесь он столкнулся с необходимостью организации работы малоквалифицированной и, кроме того, говорившей на разных языках рабочей силы, для наблюдения за которой и был создан прототип паноптикума²⁴. Иеремия прибыл в Кричев к брату в 1786 году и остался в России почти на два года. Именно из Кричева, как следует из предисловия к «Паноптикуму»²⁵, Иеремия Бентам направлял в Англию письма, излагающие проект постройки, которая теперь представляла собой не фабрику, а тюрьму. Сэмюэль был не только изобретателем самой идеи паноптикума, но и, в отличие от своего брата, успешно ее реализовал. В 1807 году по его проекту началось строительство здания военно-морской Школы искусств в устье Охты в Санкт-Петербурге (открылся в 1809 году)²⁶. Различные варианты организации построек, основанной на принципе паноптикума, Сэмюэль активно предлагал использовать и в других своих проектах²⁷.

²¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem. 1999. С. 300–301.

²² Поучительно здесь сравнение русской и английской статей в «Википедии», посвященных паноптикуму (*panopticon*). Первая уделяет основное внимание интерпретации Фуко (в работе 1975 года!), вторая является квалифицированной статьей, написанной с учетом современного состояния исследований, посвященных паноптикуму. Это тот нечастый случай, когда мы можем отослать к статье в *en.wikipedia.org* как релевантному справочному источнику.

²³ Постников А. В., Озерова Н. А. Верный сподвижник князя Потемкина-Таврического сэр Самуэль Бентам и его деятельность в России в 1780–1791 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 3. С. 553–568.

²⁴ Darley G. *Factory*. L.: Reaktion Books, 2003. P. 52.

²⁵ Текст включен в IV том сочинений Бентама, подготовленного Джоном Борингом. В электронном виде все собрание сочинений опубликовано на сайте *Online Library of Liberty*. См. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/bentham-works-of-jeremy-bentham-11-vols>.

²⁶ Сведения о «петербургском паноптикуме» и ссылки на соответствующую литературу можно найти на странице «Проекта Бентама», реализованного Университетским колледжем Лондона. См. URL: <https://www.ucl.ac.uk/bentham-project/who-was-jeremy-bentham/panopticon/st-petersburg-panopticon>. Архитектурный план паноптического заведения на Большой Охте выложен здесь же. См. URL: <https://www.ucl.ac.uk/laws/st-petersburg-panopticon-image>.

²⁷ См.: Pease-Watkin C. Jeremy and Samuel Bentham – The Private and the Public // *Journal of Bentham Studies*. 2002. Vol. 5. № 1. P. 1–27.

В какой мере, впрочем, идея паноптикума обязана своим появлением Сэмюэлю, а в каком является результатом «высокого модернизма» (Джеймс Скотт) архитектуры и генеральных планов Екатерины Великой – вопрос, требующий дополнительного изыскания. Ряд планировочных и архитектурных решений этого периода имеют отчетливую схему паноптикума. Организация перспективы и планировки устроена так, чтобы всеерным образом сходиться в точке путевого дворца, по отношению к которому ориентированы также и другие основные городские постройки (случай путевого дворца Екатерины в городе Торжке), или же в центральной точке усадьбы (случай дворца Бобринского в Тульской области (начал строиться в 1773 году), где пять улиц поселка Бобрин-Гора, расположенных всеерным образом на противоположном берегу пруда, сходятся в пять окон полукруглого центрального зала). В указанных случаях едва ли можно предположить, что такая планировка должна была напоминать жителям, что за ними из дворца неустанно и скрыто наблюдает око верховной власти. Возможность наблюдения здесь, скорее, является побочным следствием эстетического замысла организации рационально-геометрической прямой перспективы.

Винсент Жебка (в более поздних публикациях – Винсент Август), на чей анализ проблематики транспарентности у Бентама мы далее в значительной мере опираемся, указывает, что интерпретация паноптикума у Фуко страдает двумя основными недостатками. Во-первых, она исторически деконтекстуализирована и, во-вторых, полностью игнорирует вторую часть текста о паноптикуме²⁸. Идея паноптикума развивается Бентамом в контексте острых политических дебатов, связанных с быстрым ростом пауперизированного населения в Англии, который породил множество страхов и опасений. Основная идея нового устройства тюрьмы у Бентама была нацелена на гуманизацию и улучшение условий содержания заключенных (предотвращение насилия, вентиляция, температура и т. д.), причем эта идея в то время конкурировала, например, с проектом высылки беднейшей части населения в Австралию и идеями Томаса Мальтуса о прекращении помощи бедным на основании его «закона народонаселения». Принципиальным является также то, что это новое пространство предназначалось не только для контроля над заключенными, но равным образом для контроля над надзирателями и управленческим персоналом самой тюрьмы:

...я потребую, чтобы он [управляющий] раскрыл, напечатал и даже опубликовал свои отчеты, весь процесс и детали его управления – всю историю тюрьмы. Я потребую от него, говорю я, под страхом конфискации или другого адекватного наказания, чтобы он опубликовал эти отчеты и сделал это под присягой²⁹.

В одной из ретроспективных оценок Бентам следующим образом резюмировал свой проект тюрьмы-паноптикума:

Моя тюрьма прозрачна – не меньше, чем мое управление ей (*My prison is transparent: my management no less*)³⁰.

Эта позиция Бентама резюмируется его «принципом *публичности*, или принципом *транспарентного управления*»:

Он касается как мотивов, так и средств. Чем шире раскрываются нашему взору детали руководства, чем более универсальными становятся средства наблюдения, тем лучше мы избираем то, что хорошо, и избегаем того, что плохо, и тем мощнее сила (поскольку выше *определенность*) мотивов, вытекающих из *народных* (*popular*) или *моральных, политических*

²⁸ Rzepka V. Op. cit. S. 75.

²⁹ Bentham J. Op. cit. Vol. IV. P. 48.

³⁰ Rzepka V. Op. cit. S. 80.

или *правовых* санкций, которые действуют в направлении такого избрания или избегания³¹.

Метафора прозрачности имеет в случае паноптикума и прямой смысл свободного доступа. Он полностью открыт для посетителей, осуществляющих надзор не над заключенными, а, прежде всего, над управляющими и надсмотрщиками:

...здесь беспрецедентная степень публичности... здесь все, что можно почувствовать, предназначено для того, чтобы быть увиденным, и ничто из того, что к этому не предназначается, не имеет никаких шансов остаться скрытым. <..> Если деньги или дружба (не самое экстравагантное предположение) свяжут этого инспектора [тюрьмы] и того управляющего, которого он должен инспектировать, то о какой безопасности может идти речь? Здесь [в паноптикуме] в одном *помещении* будет *тысяча* инспекторов. Возможно ли, чтобы в такой национальной тюрьме было меньше посетителей, чем у *львов, восковых фигур* или *гробниц*? Из 25 000 человек, ежегодно рождающихся в Лондоне, мне нужен только один, да и тот раз в жизни. <..> Назовите это зрелищем только для молодежи: но молодежь, как бы то ни было, не посещает зрелища в одиночку³².

Паноптикум, замечает по поводу последних слов Жебка,

...должен открыть для посетителей свои двери, функционируя для них как спектакль, подобно другим достопримечательностям Лондона³³.

В этом публичном и транспарентном пространстве реализуется, таким образом, не только интерес рационального контроля над тем, как тюрьма выполняет свои функции, но также эстетический интерес и праздное любопытство.

В поздний период Бентам, разочарованный в способности монархий воспринять в том числе его паноптические идеи, переходит на позиции демократии и развивает идею республиканской конституции, изложенную в работе «Конституционный кодекс». Идея публичности и транспарентности трансформируется – теперь ей руководствуется мотив подозрения к господствующим элитам, которые должны быть поставлены под неограниченный и рациональный контроль народа:

Цель конституционного закона – предотвращение плохого правления³⁴.

Посетители и сторонние наблюдатели паноптикума превращаются теперь в аудиторию трибунала общественного мнения, которому посвящена восьмая часть «Конституционного кодекса». Такой трибунал выполняет роль «неофициальной судебной системы» и

...применяется к власти правительства, способствуя тому, чтобы держать ее под контролем и двигаться путем, намеченным принципом максимизации счастья³⁵.

Состав «публики» такого трибунала не ограничен только гражданами страны, в него могут входить также иностранцы и путешественники. Трибунал выполняет несколько функ-

³¹ *Bentham J.* Op. cit. Vol. VIII. P. 381. Проблема «определенности» (*certainty*), которая, как показывает Жебка, является сквозной для работ Бентама, ставит его в близкую связь к той постановке вопроса, которая была позже развита в американском прагматизме в форме вопроса о достижении устойчивых убеждений, являющихся основанием для действия или приобретения привычки (Чарльз Пирс).

³² *Idem.* Op. cit. Vol. IV. P. 133.

³³ *Rzepka V.* Op. cit. S. 81.

³⁴ *Bentham J.* Op. cit. Vol. IX. P. 9.

³⁵ *Ibid.* P. 41.

ций, первая из которых состоит в тотальном сборе статистической и иной информации по всем общественно значимым вопросам, по которым публика должна иметь возможность вынести свое решение:

Статистика, или функция по предоставлению доказательств. Эта функция может быть выполнена в той мере, в какой указаны факты, способные служить основанием для вынесения суждения, одобрения или неодобрения в отношении любого публичного института, постановления, договоренности, судебного разбирательства или меры, прошлого, настоящего или возможного будущего случая, или в отношении любого образа действий любого лица, должностного или не должностного, которое может затронуть интересы общественности в целом³⁶.

Отталкиваясь от длинного списка указаний самого Бентама по поводу задействованных в этом сборе информации учреждений и предпринимаемых при этом процедур, Жебка поясняет:

В частности, во всех как локальных, так и национальных учреждениях должны протоколироваться и публиковаться доклады о ходе собраний, прозвучавшие на них предложения, высказанные за и против аргументы; следует регистрировать присутствие должностных лиц или же административных органов; в случае голосования должны фиксироваться его конкретные результаты, а также имена избирателей, проголосовавших за каждую из сторон; кроме того, по каждому предложению, по которому нужно вынести решение, должны быть собраны и предоставлены все необходимые для этого сведения³⁷.

Весь этот массив публичных данных нужен для того, чтобы трибунал имел возможность вынести обоснованное суждение относительно того или иного дела («цензорская функция»), а затем реализовать свою «исполнительную» функцию (*executive function*) в отношении отдельных должностных лиц, направленную как на их наказание, так и на их поощрение. Четвертая функция направлена на совещательное улучшение деятельности институтов и организаций (*melioration-suggestive function*). С одной стороны, эта функция выполняет информационную роль, которой публичную сферу наделяет также и Кант: правительство должно знать о недостатках в своей деятельности. С другой стороны, это позволяет привлечь отдельных наиболее компетентных экспертов, мнение которых в противном случае не могло бы быть учтено:

Локк, Ньютон, Юм, Адам Смит и множество других гениальных людей никогда не заседали в парламенте. Наиболее полезные планы часто исходят от частных индивидов³⁸.

Наконец, помимо создания условий для рационального вынесения суждений, публичная сфера выполняет еще одну функцию, указанную уже в сравнении похода в паноптикум с посещением горожанами «львов, восковых фигур или гробниц», – развлечение. Прозрачность превращает политику в публичный «политический театр», разворачивающийся как свободная игра мнений:

Мемуары – одна из самых приятных частей французской литературы, немногие другие книги превосходят их по глубине. Но мемуары появляются спустя длительное время после произошедших событий, и далеко не всем доступны. Английские газеты – это мемуары, публикуемые в тот момент,

³⁶ Ibid. P. 158.

³⁷ Rzepka V. Op. cit. S. 95.

³⁸ Bentham J. Op. cit. P. 312.

когда события происходят. В них мы находим все парламентские дискуссии – там есть все, что относится к актерам политического театра, в котором все факты предъявлены, а все мнения свободно обсуждаются. Один римский император предложил награду тому, кто изобретет новое удовольствие: никто не заслужил ее более того, кто первым открыл законодательные собрания посещению публики³⁹.

В нашу задачу здесь не входит полная реконструкция организационной структуры сферы публичности и трибунала общественного мнения в работах Бентама. Среди значимых моментов здесь, однако, важно указать на то понимание медиа, которым руководствуется Бентам в эпоху подъема печатных СМИ. Бентам последовательно выступает за медиатизацию сферы публичности. Это вытекает не только из указанных требований публикации информации о деятельности государственных учреждений, но определяется самим характером медиатизированной дискуссии. Опосредование печатным словом, с точки зрения Бентама, является средством ее рационализации, поскольку позволяет нейтрализовать эмоциональность и, следовательно, иррациональность публики:

Речи ораторов, известные только из газет, не имеют такого влияния, каким обладают страстные разглагольствования мятежного демагога. Они не прочтут их, пока они не пройдут через среду, которая их охладит; кроме того, они сопровождаются противоположными аргументами, которые, как мы предполагаем, обладают естественным преимуществом истинного над ложным⁴⁰.

Таким образом, печатные медиа здесь – не инструмент манипуляции и пропаганды, какими они представляются поздним теоретикам публичности, а медиум, который рационализирует и структурирует дискуссию, позволяя публике сформулировать взвешенное суждение или же согласиться с таковым. Филип Шофилд показал, что пресса играет в демократии Бентама ключевую роль, налагая на издателя печатного органа особую ответственность. Обвинения трибунала общественного мнения выдвигаются в первую очередь в прессе. Главный редактор газеты должен контекстуализировать его: кроме обвинения он должен опубликовать ответ самого обвиняемого, а также другие полученные редакцией газеты мнения. Наконец, он должен сам вынести на основании всего этого обоснованное суждение. Только вслед за этой социально-репутационной санкцией вступает в дело политико-правовая⁴¹.

Паноптическая идея транспарентности переносится Бентамом на всю систему архитектуры и организации государственных учреждений. Бентам, например, отвлекается на пояснения относительно организации амфитеатра, которая должна позволять председателю законодательного собрания видеть всех, предусматривает особые места для прессы и т. д.:

...зал, приспособленный для всего этого, имеет большее влияние, чем кажется на первый взгляд, для обеспечения усердия участников и облегчения выполнения ими своих функций⁴².

Государственное учреждение также должно быть транспарентно. Бентам предлагает для него форму 13-стороннего многоугольника, в центре которого располагается министр и регистраторы. Две стороны этого здания представляют собой вход и выход; две приемные являются закрытыми и предназначены для частных разговоров, остальные – полностью открыты; при-

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid. P. 313.

⁴¹ Schofield P. *Utility and Democracy: The Political Thought of Jeremy Bentham*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. P. 260 ff.; ср.: Rzepka V. *Op. cit.* S. 104.

⁴² Bentham J. *Op. cit.* Vol. II. P. 317.

емные пронумерованы, здесь же располагаются правила для чиновников и посетителей⁴³. Вся деятельность чиновников в таком здании находится под постоянным взаимным контролем и контролем посетителей, наблюдающих все то, что происходит в публичных пространствах.

Бентам, как следует из сказанного относительно организации пространства государственных учреждений, не отрицает, что в некоторых случаях следует избегать публичности:

...*секретность*, или, скажем, *приватность (privacy)*, [должна быть соблюдена] в тех случаях, когда секретность в наибольшей степени содействует достижению тех же желаемых целей⁴⁴.

Хотя, замечает здесь же Бентам, секретность по сравнению с публичностью в весьма незначительной степени позволяет достичь такого рода «всеобщим образом желаемых целей»⁴⁵. Мотив для предпочтения приватного характера общения в данном случае определяется не какими-то государственно-политическими соображениями, а потенциальным вредом, который публичность может нанести индивиду:

Потребность в секретном пространстве возникает в силу потребностей приватной сферы буржуазного индивида, а не чиновничьей сферы политика⁴⁶.

Однако здесь в теории публичности Бентама возникает определенное несоответствие и даже внутреннее противоречие. Кант, как мы видели, придавал «трансцендентальным правилам публичности» универсальный смысл там, где речь идет о совместимости со сферой права и политики как таковой. Принцип максимизации общего счастья в утилитаризме, однако, является более фундаментальным, чем любые требования публичности. Бентам подчеркивает:

Нельзя делать закон публичности абсолютным, потому что невозможно предвидеть все обстоятельства, в которых может оказаться [законодательное] собрание. Правила созданы для спокойного и безопасного состояния: они не могут быть установлены для ситуации, когда наступает беда и возникает опасность⁴⁷.

Таким образом, чрезвычайное положение дел может быть основанием для прекращения действия режима публичности. Эта особенность утилитаризма прослеживается и у позднейших его последователей. Уже упоминалось, что в современных дискуссиях «тест Канта на гипотетическую публичность» продолжает обсуждаться в качестве одной из центральных проблем, связанных с публичностью⁴⁸. Характерно, что в качестве основного оппонента Канта здесь привлекается философ-утилитарист Генри Сиджвик, аргументирующий в пользу того, что в некоторых случаях необходимо избегать публичности. Причем этот случай распространяется им на само учение утилитаризма, которое, поскольку оно может быть неверно понято, в некоторых случаях следует сообщать лишь «немногим просвещенным»⁴⁹. Парадокс как теории публичности Канта, так и теории публичности Сиджвика состоит в том, что в тень секретности попадают сами эти теории (у Канта это исключение имеет форму иронично обыгрываемой «тайной» статьи о всеобщем мире, предписывающей правителям прислушиваться к философам).

Принцип архитектурной транспарентности, основанной на идеях паноптикума, распространяется Бентамом на всю институциональную систему правления. В основе этой системы лежит представление о неизбежном своекорыстии любого чиновника:

⁴³ Ibid. Vol. IX. P. 328.

⁴⁴ Ibid. P. 325.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Rzepka V. Op. cit. S. 107.

⁴⁷ Bentham J. Op. cit. Vol. II. P. 315.

⁴⁸ Gosseries A., Parr T. Publicity // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/publicity/>.

⁴⁹ Sidgwick H. The Methods of Ethics. 5th ed. L.: Macmillan and Co., 1874. P. 487 sqq.

Для выработки любого хорошо обоснованного и рационального курса, преодоления препятствий на пути к хорошему правлению, а также учитывая то, что в душе правительственных чиновников господствует универсальное стремление к собственной выгоде (*self-preference*)... первым шагом является истинное наблюдение (*true observation*) за [их] существованием и ограничение этого всеобщим образом распространенного частного и злодейского интереса. <..> Таким образом, любое направляющее и ведущее правило может быть сведено к этим двум словам – *минимизация конфиденциальности*⁵⁰.

Это правило дополняется Бентамом требованием «абсолютной зависимости» чиновников от народа, которая простирается от верховного учредительного собрания (*Supreme Constitutive*) и доходит до самого мелкого служащего. Режим публичности и транспарентности, таким образом, призван практически решить задачу, названную Кантом самой трудной из всех: человек – это «кривая тесина», поэтому, считал Кант,

...каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой⁵¹.

Бентам считает так же, но полагает, что режим транспарентности сможет справиться с задачей, которую Кант считает невыполнимой. Это решение, однако, дается дорогой ценой. Указанный режим «абсолютной зависимости» чиновников от народа предполагает также ликвидацию системы разделения властей:

Бентам прямо выступает против теории Монтескье о разделении властей, которую он отвергает как «явную чушь»: целью его теории институтов является иерархически структурированная система власти, в которой существует четкая и однозначно назначаемая ответственность каждой должности, так что народ легко может идентифицировать ответственное лицо, которое в случае проступка может быть наказано⁵².

Таким образом, мы имеем дело в лице Канта и Бентама с двумя противоположными идеями государства. Кант является реалистом, он не только скептически относится к способности человека, находящегося у власти, отказаться от корыстного поведения, но также считает, что совершенный способ правления не может быть реализован. Поэтому требует в рамках своей республиканской модели создания системы сдержек и противовесов в форме разделения властей, которая позволяет минимизировать негативные крайности, возможные в случае сосредоточения всей полноты власти в одних руках. Бентам, напротив, уверен, что при установлении режима полной транспарентности и торжестве «трибунала общественного мнения» правление может быть реализовано как максимально рациональная и безошибочная система контроля исполнения и принятия решений, для наиболее эффективного функционирования которой требуется единая и прозрачная иерархия абсолютной зависимости власти от народа. Тем самым демократия Бентама и в этом отношении трансформируется в наиболее совершенную форму «деспотизма», относительно которой Кант замечает, что здесь

...все решают по поводу одного, и во всяком случае против одного⁵³.

Позднее Джон Стюарт Милль, прошедший долгий путь освобождения от идей утилитаризма, воспроизводит в своем эссе «О свободе» эту же позицию Канта, придав ей характер

⁵⁰ Bentham J. Op. cit. Vol. IX. P. 62.

⁵¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. Т. 8. С. 19.

⁵² Rzepka V. Op. Cit. S. 109.

⁵³ Кант И. К вечному миру. Философский проект // Соч. Т. 7. С. 17.

не вопроса о правлении, а вопроса о власти самой сферы общественного мнения, способной устанавливать «диктатуру» над мнением индивидов.

Принципиальная особенность теории транспарентности Бентама заключается в том, что она является оторефлексируемой теорией недоверия:

Возражают против режима публичности: не представляет ли она собой систему *недоверия* (*distrust*)? Так и есть; и любой хороший политический институт стоит на этом фундаменте. Кому же нам еще не доверять, как не тем, кто облечен огромной властью, испытывая при этом огромное искушение злоупотребить ею? Подумайте о предмете их обязанностей: это не их собственные дела, а дела других людей, дела, которые им сравнительно безразличны, очень трудные и очень сложные. Одна только праздность привела бы к пренебрежению этими делами, которые требуют кропотливых усилий. Обратите внимание на их собственные интересы: часто вы обнаружите, что они противоположны тем интересам, которые были им доверены. Они также располагают всеми средствами, чтобы обслуживать самих себя за счет общества, без всякой возможности быть осужденными за это. Что же остается для того, чтобы противостоять всем этим опасным мотивам? Что привлечет [их] интерес к превосходящей их силе? В чем может состоять такой интерес, как не в уважении к общественному мнению – боязни его осуждения и желания славы? – Одним словом, все то, что связано с публичностью. Действие этого великого инструмента распространяется на все: на законодательство, администрацию, судебную власть. Без публичности никакое благо не является постоянным (*permanent*); под покровительством публичности никакое зло не может продолжаться⁵⁴.

Таким образом, недоверие и политика публичной транспарентности являются взаимосвязанными и предполагают друг друга. Если в обществе существует доверие – к лицам или институтам, то нет необходимости в публичном контроле. Понятие «доверие» является семантически сложным – особенно в современном комплексном социальном контексте. В русском языке оно нагружено моральными характеристиками: доверие – это «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь» (словарь Ожегова); «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь» (словарь Ушакова). Английское слово *trust* имеет более широкий словарный спектр значений – помимо моральной уверенности в чьей-либо правильности, оно включает в себя также момент надежды на то, что случится в будущем: *dependence on something future or contingent* (*Merriam-Webster Dictionary*). Доверять в этом смысле можно не только людям (которым мы можем продолжать доверять, даже если их действия кажутся нам непонятными, неожиданными и непредсказуемыми), но также – что весьма важно в современных социальных и технологических контекстах – институтам или абстрактным сущностям, таким как расписание или определенный бренд техники: мы ему доверяем, потому что эта техника «не подведет», то есть будет вести себя согласно заявленным характеристикам. Транспарентность не решает для нас проблему доверия с точки зрения того, что мы сможем убедиться в моральности субъекта и правильности его мотивов. Согласно Бентаму,

...ни один мотив не является плохим сам по себе, но каждый вид мотива в зависимости от обстоятельств может вести к хорошим или плохим действиям.

⁵⁴ Bentham J. Op. cit. Vol. II. P. 314.

Любой мотив в конечном счете определяется стремлением человека к счастью, к увеличению удовольствия и уменьшению страдания. Поэтому анализ мотивов, которые к тому же «скрыты в груди человека», Бентам называет «ошибкой недоверия» (*the fallacy of distrust*)⁵⁵: значение имеют не мотивы, а результаты. Транспарентность позволяет нам достичь указанного Бентамом «постоянства» некоторого «блага» – института, политики и т. д., – действующего в соответствии с главным принципом утилитаризма. Публичность дает нам возможность точно идентифицировать любую ошибку или, напротив, заслугу должностного лица, реагируя на это санкцией или поощрением:

Основная особенность этого плана состоит в том, чтобы в максимально возможном масштабе (с учетом требуемых расходов) и с максимально возможной степенью ясности, правильности и полноты раскрыть характер оказываемых услуг, установить имя лица, которым была оказана услуга, и обстоятельства, которые определяют степень его похвальности⁵⁶.

Транспарентность, в основе которой лежит системное отсутствие доверия к властной элите, позволяет, таким образом, рационально и эффективно локализовать проблемы, возникающие при функционировании государственного аппарата, и в конечном счете справляться с контингентностью нашей социальной и политической среды существования. Тем самым мы теперь можем взглянуть на теорию Бентама в более широком историческом контексте, что также позволит понять ее повторное изобретение и актуализацию в новейший период. Жебка справедливо считает, что сама идея тотальной транспарентности, из которой исходит Бентам, является ответом на определенную социально-историческую ситуацию своего времени⁵⁷. В целом ее можно охарактеризовать как ситуацию неопределенности и непредсказуемости, остро переживаемой в рамках перехода от традиционного общества к обществу модерна. Одним из моментов этого процесса является, согласно Арнольду Гелену, как раз утрата доверия:

... вместе с разложением традиционного общества появляется индивид со свободой решений, но за это он платит тем, что у него уже нет прочного фундамента: недоверие, подозрение, страх становятся частью аффективной атмосферы, поскольку индивид не знает, чего ему ждать от других⁵⁸.

Мир перестал быть предсказуемым, он усложнился и пришел в движение. Наблюдая этот процесс, с разной скоростью разворачивающийся в разных странах, немецкий философ Генриг Штеффенс пишет в 1809 году:

Все вдруг охватило брожение и не позволяет нам нащупать ни одну твердую точку зрения. Все элементы жизни потрясены, государства, к которым мы принадлежим, поколеблены, формы жизни, которые казались несокрушимыми, неожиданно стали исчезать, верная преданность королю и отчизне впадает в нерешительность, самое планомерное жизненное благоразумие в следующий момент не доверяет самому себе⁵⁹.

Бентам отвечает на это не только своей теорией транспарентности и трибунала общественного мнения. Частью этих изменений – как мы знаем благодаря исследованиям Рейнхарда Козеллека и «Словарю основных исторических понятий», в основу которого была положена

⁵⁵ Ibid. P. 415.

⁵⁶ Ibid. Vol. IX. P. 90.

⁵⁷ Rzepka V. Op. cit.; August V. Op. cit.

⁵⁸ Руткевич А. М. Теория институтов А. Гелена // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 12.

⁵⁹ Steffens H. Über die Idee der Universitäten // Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus / E. Anrich (Hg.) Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964 (1809). S. 317.

теория этих изменений, – стал также масштабный семантический сдвиг, выразившийся как в появлении новых смыслов у старых понятий (как это имеет место также в случае понятия «публичный»), так и возникновении множества новых понятий. Неудивительно, что программа Бентама в ее наиболее фундаментальной части включает также требование семантической точности выражений, развиваемое в форме проекта критики языка⁶⁰. Еще одним способом «редукции контингентности», если воспользоваться термином Никласа Лумана⁶¹, для Бентама является не только прозрачность, но и простота публичной коммуникации:

Во всех подобных рассуждениях, связанных с законодательством или дебатами, мои усилия должны быть неизменно направлены на придание им максимальной степени *прозрачности (transparency)* и, следовательно, простоты (*simplicity*) – насколько это возможно. В каждом случае одной из целей моих усилий будет сохранение чистоты моих собственных рассуждений и, насколько это зависит от меня, рассуждений других людей, которые должны быть свободны от заблуждения, в какой бы форме оно ни выступало⁶².

Бентам, таким образом, предлагает многоуровневую систему контроля, простирающуюся от плана языковой семантики до транспарентной сферы публичности, позволяющей осуществлять всеобъемлющий рациональный контроль над государственной властью. Публичная сфера имеет сложное устройство, отдельные элементы которого выполняют вполне определенные роли (например, пресса и главные редакторы газет). В отличие от формальной «транспарентности», понимаемой как простое открытие и обеспечение доступа к информации, она структурирована в целях обеспечения функции рациональной рефлексии, контроля и реализации мер санкционного и поощрительного характера. В итоге, резюмирует Жебка,

...для индивидов формируется среда, в которой они могут выстраивать наиболее надежные практические ожидания (*Erwartungshaltungen*), которые, в свою очередь, представляют собой основное условие для мирной организации политической и экономической жизни⁶³.

Согласно общему тезису процитированного автора,

...транспарентность (*Transparenz*) представляет собой исторически специфическое понимание публичности (*Öffentlichkeit*), к которому обращаются, прежде всего, в тех ситуациях, где возникает высокая степень неопределенности, которая воспринимается акторами как угрожающая. Транспарентность представляет собой попытку генерирования надежности и безопасности, используя сферу публичности для формализации и регулирования поведения⁶⁴.

Если мы рассматриваем теорию Бентама в этой фундаментальной перспективе, то можно предположить, что подобные проекты по формированию транспарентной сферы публичной информации будут возникать в аналогичных случаях нарастания неопределенности и непредвиденных изменений. Действительно, повторное изобретение и широкое развитие политики и практики транспарентности происходит в западных странах, начиная с конца 1970-х годов. Причины этого поворота многообразны, и различные теории расставляют здесь собственные акценты: экономический кризис, переход от индустриального общества к постиндустриаль-

⁶⁰ Rzepka V. Op. cit. S. 63 ff.

⁶¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007.

⁶² Bentham J. Op. cit. Vol. IX. P. 203.

⁶³ Rzepka V. Op. cit. S. 116.

⁶⁴ August V. Op. cit. S. 193.

ному, рост новых социальных движений, «структурная трансформация», переход к обществу «позднего модерна», отказ от кейнсианской экономической политики и переход к политике неолиберализма и т. д. Однако каким бы образом ни определялось содержание и причины этого поворота, именно в это время происходит повторное открытие политики транспарентности Бентама. Это осуществляется в форме подъема теорий рационального экономического и общественного выбора (*public choice theory*). Конститутивным для них в той или иной форме является представление о том, что для рационального выбора необходима информация, а также критика непрозрачности/неэффективности государственных институтов. Ответом на эти проблемы во всех случаях становится «информационная прозрачность», которая является единственным средством обеспечения рациональных социальных действий и социальных решений:

В результате этой линии аргументации в 1980-е годы главным образом в рамках *New Public Management* был разработан целый арсенал предложений по институциональным реформам и методам аудита (*monitoring, benchmarking*, обеспечение качества), с помощью которых общественная прозрачность могла бы быть институционализована. Эта стратегия обещала, что транспарентность сведет к минимуму неопределенности и риски, одновременно максимизируя легитимность и эффективность⁶⁵.

В отношении этой модели может быть высказано множество аргументов, которые хорошо известны, например, в виде критики теории рационального выбора, в которой оживают классические аргументы, направленные против унитарного рационализма эпохи Просвещения. Важнее, однако, обратить внимание на непреднамеренные последствия распространения этой политики, на которые указывает Винсент Август. Их можно свести к трем основным пунктам:

1. Политика, направленная на повышение прозрачности работы организаций и увеличение их эффективности, ведет к их бюрократизации и усложнению: помимо выполнения своей прямой профессиональной деятельности, организации должны документировать, структурировать и публиковать информацию о ней, что требует дополнительных ресурсов и времени.

2. Обратной стороной прозрачности является ее непрозрачность: чем больше информации, тем сложнее отыскать нужную без дополнительных компетенций.

3. Контроль над деятельностью организаций выполняет не общество, которое не может компетентно работать с этой информацией, а специализированные неправительственные организации, численность которых растет одновременно с ростом публичной информации: происходит «ngo'низация сферы публичности»⁶⁶. Транспарентность стимулирует не партиципацию граждан в процессах управления, а порождает новые экспертные группы, которые скорее исключают их из этого процесса. Однако в отличие от правительства система этих групп не находится под контролем демократического отбора в рамках политического процесса.

Идея публичности обсуждений основывается на предпосылке, что принимаемые решения корректируются рациональной сферой публичности, которая олицетворяет интерес общего блага, а также создает условия для рационального процесса обсуждений. Но открытость обсуждения может способствовать неверным решениям, если оно находится под влиянием лишь отдельных заинтересованных групп (представляющих, по Канту, «приватный» интерес), а также препятствует – например в форме инструментальной политики, проводимой в СМИ, – рациональному процессу обсуждения.

Дело, однако, не только в возможности злоупотребления в публичном пространстве частным интересом. В современном сложноустроенном мире все большее число вопросов требует специализированного технического и технологического знания, длительных сроков под-

⁶⁵ Ibid. S. 196.

⁶⁶ Lang S. NGOs, Civil Society and the Public Sphere. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013.

готовки и т. д. Но когда эти вопросы выносятся в публичную сферу, они становятся предметом общественных ожиданий, требующих скорейшей реализации, что, в свою очередь, побуждает политиков спешить и оказывать влияние на темы реализации этих решений. Следствием чего является множество «незрелых» проектов, достигающих лишь краткосрочных результатов. Герман Люббе следующим образом характеризует эту особенность современной ускоряющейся цивилизации:

...модерновые сферы публичности, политическая публичность, равно как и специализированная публичность потенциальных потребителей и прочих клиентур, в цивилизациях с весьма усложнившимися инфраструктурами подвержены – в силу незнания специальных предметов – нереалистическим ожиданиям, и потенциал одобрения или запроса, который заключен в таких ожиданиях, действует как сила, подстрекающая к их удовлетворению, ускоренному как в техническом, так и в организационном смысле. Можно выразить это и так: в динамических и в то же время медийно-интегрированных цивилизациях растет вероятность столкнуться с незрелым⁶⁷.

Транспарентность политики заставляет ее агентов быть осторожными и корректными, что ведет к развитию конформизма, бюрократизации и рутинизации политики, которая перестает быть способной к творческим начинаниям. С точки зрения теоретиков республиканизма (например, Ханны Арендт), это ведет к тому, что люди утрачивают интерес к политическим вопросам, а само общество деполитизируется:

Поэтому республиканский подход к творческой деятельности выступает – в противоположность идее транспарентной публичности – за плюрализм публичных сфер и считает контингентность человеческих дел и начинаний не опасностью, а источником дополнительных возможностей⁶⁸.

Трансформативный потенциал публичной сферы проявляется, как мы можем предположить, также в ее эзотеризации. Этот эффект можно наблюдать в современной сфере российского законодательства: исследователи отмечают его необычайную семантическую сложность⁶⁹. Для Бентама транспарентность представлялась также связанной с «простотой» как необходимым условием понимания и выработки рационального отношения. Фактически же требование публичности, выполнение которого является необходимым в случае легального законодательства, может вести ровно к противоположному результату: возрастанию сложности и эзотеричности, делающих это законодательство недоступным для понимания и тем более заинтересованного отношения со стороны широких слоев «публики».

Возвращаясь к цифровой камере как технологической парадигме классической государственно-правовой теории модерна, следует отметить, что она действительно в значительной степени решает ряд ключевых проблем, сформулированных Кантом и Бентамом в области права и правления. Несмотря на кардинальные расхождения в области этики, и тот и другой настаивают на принципах публичности и транспарентности в системе государственного управления, а также минимизации влияния человеческого фактора на принятие и осуществление решений властных и правовых органов. Технологический прогресс в использовании камер и цифровых технологий уже достаточно близко подвел нас к реализации рационалистических

⁶⁷ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Пер. с нем. под науч. ред. В. А. Куренного. М.: ИД ВШЭ, 2016. С. 402.

⁶⁸ August V. Op. cit. S. 208.

⁶⁹ Виокуров А., Веретенникова К. Если понять, то не так: Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсант. 05.04.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4760378>.

идеалов эпохи Просвещения, поэтому мы все быстрее приближаемся к XVIII веку (что бы там ни казалось проповедникам пост-, мета- или прочих эпитетов модерна).

Библиография

- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Пер. с англ. Б. Г. Капустина. М.: РОССПЭН, 1998.
- Винокуров А., Веретенникова К. Если понят, то не так: Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсант. 05.04.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4760378>.
- Кант И. Метафизика нравов // Соч.: В 8 т. / Общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994.
- Кёниг Г. Конец индивидуума / Пер. с фр. И. В. Кушнарева. М.: Individuum, 2023.
- Куренной В. А. Этика добродетели // Логос. 2008. № 1. С. 59–69.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007.
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Пер. с нем. под науч. ред. В. А. Куренного. М.: ИД ВШЭ, 2016.
- Постников А. В., Озерова Н. А. Верный сподвижник князя Потемкина-Таврического сэра Самуэль Бентам и его деятельность в России в 1780–1791 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 3. С. 553–568.
- Руткевич А. М. Теория институтов А. Гелена // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 3–25.
- Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 118–150.
- Флюссер В. О фотографии / Пер. с нем. Г. Р. Хайдаровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem. 1999.
- Хан Б.-Ч. Прозрачное общество / Пер. с нем. О. В. Никифорова. М.: Логос, 2014.
- Шамаю Г. Теория дрона / Пер. с англ. Е. Н. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- August V. Öffentlichkeit in der Transparenzgesellschaft: Merkmale, Ambivalenzen, Alternativen // Staat und Geheimnis. Der Kampf um die (Un-)Sichtbarkeit der Macht / J. Knobloch (Hg.). Baden-Baden: Nomos, 2019.
- Bentham J. The Works: In 11 vols / J. Bowring (ed.). N.Y.: Russell & Russell, 1962.
- Darley G. Factory. L.: Reaktion Books, 2003.
- DeCew J. Privacy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/>.
- Gorwa R., Garton Ash T. Democratic Transparency in the Platform Society // Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform / N. Persily, J. Tucker (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. P. 286–312.
- Gosseries A., Parr T. Publicity // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/publicity/>.
- Heller C. Post-Privacy: Prima leben ohne Privatsphäre. München: C.H. Beck, 2011.
- Lang S. NGOs, Civil Society and the Public Sphere. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013.
- Pease-Watkin C. Jeremy and Samuel Bentham – The Private and the Public // Journal of Bentham Studies. 2002. Vol. 5. № 1. P. 1–27.
- Rzepka V. Die Ordnung der Transparenz. Jeremy Bentham und die Genealogie einer demokratischen Norm. B.: Lit, 2013.

Schaar P. *Das Ende der Privatsphäre: Der Weg in die Überwachungsgesellschaft*. München: C. Bertelsmann, 2007.

Schoeman F. D. *Privacy and Social Freedom*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Schofield P. *Utility and Democracy: The Political Thought of Jeremy Bentham*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006.

Sidgwick H. *The Methods of Ethics*. 5th ed. L.: Macmillan and Co., 1874.

Steffens H. *Über die Idee der Universitäten // Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus / E. Anrich (Hg.)* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964 (1809).

Willaschek M. *Recht ohne Ethik? Kant über die Gründe, das Recht nicht zu brechen // Kant im Streit der Fakultäten / G. Volker (Hg.)*. B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2005.

Digital Camera and Classical State and Legal Theory

Vitaly Kurennoj. National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, vkurennoj@hse.ru.

Keywords: digital camera; private sphere; strict right; good government; transparency; publicity; panopticon; Immanuel Kant; Jeremy Bentham; Michel Foucault.

The article provides a brief overview of the contemporary use of digital cameras and the fundamental changes in society resulting from their deployment. Digital video surveillance has become an integral part of urban infrastructure, transforming notions of public space, privacy, and control. The article examines key risks associated with the proliferation of digital surveillance today, including potential threats to personal freedom and the emergence of a “society of total surveillance.” At the same time, it presents objections to alarmist expectations, which are explained by the neglect of existing constitutional and legal norms that regulate camera use and protect citizens' rights.

The digital camera paradigm is placed in the context of major issues in classical modern state and legal theory – those of Immanuel Kant and Jeremy Bentham – in three main aspects. First, Kant's idea of “strict right” is examined, linked to publicity as a condition for the legitimacy of state power. Second, the ideal of good government supported by both Kant and Bentham is analyzed, implying the minimization of abuses by authorities through mechanisms of openness. Third, Bentham's model of a transparent society is discussed, whose architectural embodiment is the panopticon project. It is demonstrated that Michel Foucault's interpretation of the panopticon distorts Bentham's original idea, as it ignores the democratic potential of mutual observation and public control over power. The article shows that contemporary debates on video surveillance reproduce classical tensions between freedom, security, and transparency of power.

DOI: 10.17323/0869-5377-2026-1-1-36

References

August V. *Öffentlichkeit in der Transparenzgesellschaft: Merkmale, Ambivalenzen, Alternativen. Staat und Geheimnis. Der Kampf um die (Un-)Sichtbarkeit der Macht* (Hg. J. Knobloch), Baden-Baden, Nomos, 2019.

Bentham J. *The Works: In 11 vols* (ed. J. Bowring), New York, Russell & Russell, 1962.

Bentham J. *Vvedenie v osnovaniia npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow, ROSSPEN, 1998.

Chamayou G. *Teoriia drona* [Théorie du Drone], Moscow, Ad Marginem, 2020.

Darley G. *Factory*, London, Reaktion Books, 2003.

DeCew J. *Privacy. Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/>.

- Flusser V. *O fotografii* [Für eine Philosophie der Fotografie], Moscow, Ad Marginem, 2025.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la prison], Moscow, Ad Marginem, 1999.
- Gorwa R., Garton Ash T. Democratic Transparency in the Platform Society. *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform* (eds N. Persily, J. Tucker), Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2020, pp. 286–312.
- Gosseries A., Parr T. Publicity. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/publicity/>.
- Han B.-C. *Prozrachnoe obshchestvo* [Transparenzgesellschaft], Moscow, Logos, 2014.
- Heller C. *Post-Privacy: Prima leben ohne Privatsphäre*, München, C.H. Beck, 2011.
- Kant I. *Metafizika npravov* [Die Metaphysik der Sitten]. *Soch.: V 8 t.* [Works: In 8 Vols], Moscow, Choro, 1994.
- Koenig G. *Konets individuuma* [La fin de l'individu: Voyage d'un philosophe au pays de l'intelligence artificielle], Moscow, Individuum, 2023.
- Kurennoy V. *Etika dobrodeteli* [Ethics of Virtue]. *Logos* (Russia), 2008, no. 1, pp. 59–69.
- Lang S. *NGOs, Civil Society and the Public Sphere*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2013.
- Lubbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoiashchem* [Im Zug Der Zeit: Verk Rzter Aufenthalt in Der Gegenwart], Moscow, HSE Publishing House, 2016.
- Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie], St. Petersburg, Nauka, 2007.
- Pease-Watkin C. Jeremy and Samuel Bentham – The Private and the Public. *Journal of Bentham Studies*, 2002, vol. 5, no. 1, pp. 1–27.
- Postnikov A., Ozerova N. Vernyi spodvizhnik kniazia Potemkina-Tavrisheskogo ser Samuel' Bentam i ego deiatel'nost' v Rossii v 1780–1791 gg. [Sir Samuel Bentham, a Faithful Associate of Prince G. A. Potyomkin of Tauris, and His Activities in Russia in 1780–1791]. *Voprosy istorii estestvoznania i tekhniki (Issues in the History of Science and Technology)*, 2019, vol. 40, no. 3, pp. 553–568.
- Rutkevich A. *Teoriia institutov A. Gelena* [Theory of Institutions by A. Gehlen]. *Russian Sociological Review*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 3–25.
- Rzepka V. *Die Ordnung der Transparenz. Jeremy Bentham und die Genealogie einer demokratischen Norm*, Berlin, Lit, 2013.
- Schaar P. *Das Ende der Privatsphäre: Der Weg in die Überwachungsgesellschaft*, München, C. Bertelsmann, 2007.
- Schoeman F. D. *Privacy and Social Freedom*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1992.
- Schofield P. *Utility and Democracy: The Political Thought of Jeremy Bentham*, Oxford, UK, Oxford University Press, 2006.
- Sidgwick H. *The Methods of Ethics. 5th ed*, London, Macmillan and Co., 1874.
- Steffens H. Über die Idee der Universitäten. *Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus* (Hg. E. Anrich), Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964 (1809).
- Talapina E. Zashchita personal'nykh dannyykh v tsifrovuiu epokhu: rossiiskoe pravo v evropeiskom kontekste [Personal Data Protection in the Digital Era: Russian Law in the European Context]. *Proceedings of the Institute of State and Law*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 118–150.
- Vinokurov A., Veretennikova K. Esli poniat, to ne tak: Rossiiskie zakony slizhkom slozhny dazhe dlia ikh avtorov [If It Is Understood, It Is Not So: Russian Laws Are Too Complicated Even for Their Authors]. *Kommersant*, April 05, 2021. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4760378>.

Willaschek M. Recht ohne Ethik? Kant über die Gründe, das Recht nicht zu brechen. *Kant im Streit der Fakultäten* (Hg. G. Volker), Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2005.

Звуковые исследования

От редакции. Звуковые и музыкальные эпистемологии О чем мы говорим, когда говорим о звуке и музыке?

Этот номер «Логоса» должен был называться «Звуковые эпистемологии», но в результате назван нами «Звуковые исследования», и у этого есть несколько причин. Звуковыми эпистемологиями принято именовать направление исследований и саму исследовательскую установку, которая предполагает целенаправленную инвентаризацию разнообразных исторических форм понимания звука и актуальных звуковых практик. В эпистемологическом ракурсе рассмотрение каждого оформленного внутри своих границ региона знания о звуке или с помощью звука соотносит себя с конкретными звуковыми и слушательскими практиками, включающими в качестве обязательного элемента экспликацию предпосылок способов использования и архивации звука во всевозможных проектах – техницистских, экологических, художественных, прикладных. Формирование такого каталога на момент инициирования перехода от прямых экспериментов и обобщений, основанных на метафизических притязаниях, к выработке конкретных инструментов теорий звука и его анализа требовало упорядочивания этих инструментов и глубокой рефлексии над всем репертуаром философских, психологических, феноменологических, социологических, антропологических, постколониальных и посткритических подходов, включая (хоть это и является вопросом дискуссионным) переопределение онтологического статуса омузыкаленных и причисленных к музыкальным звуковых конфигураций в диапазоне от первых разновидностей музыкальных практик и наблюдений до их вершины – автономной музыкальной формы.

Как известно, эпистемическому развороту (конвенциональнее было бы сказать – повороту, но внутри любых *studies* поворот свершается с меньшей определенностью и необратимостью, чем на поверхности социально-гуманитарных дисциплин) в исследованиях звука предшествовал проект акустемологии Стивена Фельда⁷⁰, чья проникательность, энтузиазм и интуиция позволили ему еще в 1970-е годы опробовать, а в начале 1990-х и декларировать новый подход к исследованию звуковых сред и ландшафтов, на момент своего появления почти революционный.

Этот подход, несмотря на простоту своих предпосылок – соединить эпистемологию со звуком в такой инструментальный концепт, который позволил бы избавиться от рассмотрения звука в любом его статусе в качестве одного лишь объекта и заодно освободиться в разговоре о звуковых мирах от визуальных тропов и метафор, – оказался очень продуктивным, и не только по отношению к историческим разысканиям. Стало возможным возобновить дискуссию о связи звука и знания, звука и мышления, затормозившуюся в связи с особенностями ассоциированных с феноменологическим движением дисциплинарных полей и тех конкретных специфических задач, которые ставили перед собой на тот момент когнитивные науки. Фактически Фельд стал последовательным реализатором установок Майкла Полани⁷¹, хоть и не прописывая их внутри своих этномузыкалогических проектов и производя их рецепцию,

⁷⁰ Feld S. Waterfalls of Song: An Acoustemology of Place Resounding in Bosavi, Papua New Guinea // *Senses of Place* / K. Basso, S. Feld (eds.). Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1996. P. 91–135; *Idem*. A Rainforest Acoustemology // *The Auditory Culture Reader* / M. Bull, L. Back (eds). Oxford: Berg, 2003. P. 223–239; *Idem*. Acoustemology // *Keywords in Sound* / D. Novak, M. Sakakeeny (eds). Durham, NC: Duke University Press, 2015. P. 12–21; *Rice T*. Acoustemology // *The International Encyclopedia of Anthropology*. Hoboken, NJ: Wiley, 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/43097591.pdf>.

⁷¹ Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского и др. М.: Прогресс, 1985.

но даже через косвенное их использование заложив прочную базу для критических подходов к анализу звука и музыки.

Было бы упущением не указать еще на один значимый, но иногда оставляемый на откуп историко-музыковедческим штудиям источник прописывания звуковых эпистемологий в поле социально-гуманитарного знания, связанный с периодом интенсивного экспериментаторства со звуком 1930–1970-х годов и вкладом композиторов, изобретателей, авторов художественных и инженерных проектов, самоучек, профессионалов, распространителей и популяризаторов, бессознательным образом выводящих звуковые эпистемологии в область метапонимающего инструмента. Именно этот источник окончательно легитимизировал исследовательскую стратегию обращения со звуком. Так или иначе все эти многочисленные прародители и агенты – энтузиасты, композиторы, теоретики и саунддизайнеры, которые сводили воедино итоги авангардных и поставангардных музыкальных экспериментов с лабораторными, этнографическими и техническими проектами, – быстро подхватывали новые возможности, открываемые на их глазах наукой и множасьими медиа. Да, действительно, звуковые эпистемологии появились не одномоментно, но их вызревание происходило не вполне стандартным образом: «исследуя звуки», исследующий и подвергал ревизии свой общественный контракт художника, и в то же время искал и находил новые языки своего выражения. Эти опыты на ходу изобретаемых и переизобретаемых способов обращения со звуком и музыкальной материей, по факту имеющие характер эпистемологических программ в мире художественных проектов, обрели не вполне точное имя «композиторские техники», более подходящее для использования в рамках традиций музыковедческого анализа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.